

П.В. Примак*

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ
КОНЦЕПЦИЙ ЗАПАДНЫХ АНТРОПОЛОГОВ
О ДУМАЮЩЕЙ ПРИРОДЕ

Статья посвящена дискуссионным аспектам теоретических построений таких современных западных антропологов, как Ф. Дескола, Э. Кон и Э.В. де Кастру, относительно взаимоотношений человека и природы в архаических обществах. Для корректировки представления о научном приоритете сформулированных ими выводов автор статьи обращается к работам выдающихся российских этнографов – В.Г. Богораза, Л.Я. Штернберга, В.К. Арсеньева.

Ключевые слова: западная антропология, российская этнография, архаические общества, думающая природа

Controversial aspects of the concept of thinking nature in Western anthropology. PETR V. PRIMAK (Sevastopol State University)

The article is devoted to the controversial aspects of the theoretical assumptions of such modern Western anthropologists as Philippe Descola, Eduardo Cohn and Eduardo Viveiros de Castro, regarding the relationship between man and nature in archaic societies. To correct the idea about the originality of their conclusions the author of the article refers to the works of prominent Russian ethnographers – Vladimir Bogoraz, Lev Sternberg and Vladimir Arseniev.

Keywords: Western anthropology, Russian ethnography, archaic societies, thinking nature

Считается, что французский антрополог Ф. Дескола сформулировал новый подход к классификации сходств и различий между человеком и окружающей его средой. Такой вывод исследователь сделал на основе изучения культуры индейских племен Эквадора и анализа проблем отношений человека со сверхъестественным миром [18]. Дескола использует термин «натурализм» для идентификации и интерпретации природы вещей, в качестве идей об особом статусе человеческого сознания, о специфике духовного и физического мира человека, которые не отличаются от показателей

прочих живых существ. Ученый утверждает, что именно он обратил внимание на следующие дуализмы: природа – культура, вещи – люди и др. Хотя странно это слышать от ученика К. Леви-Строса, признанного во всем мире создателя концепции бинарных оппозиций, являющихся универсальным, специфическим продуктом физической структуры человеческого мозга, функционирующего по аналоговому принципу [25, с. 34–35, 55, 59, 83–84 и др.]. Строс выяснил, что с помощью парных противопоставлений (жизнь – смерть, небо – земля, день – ночь, правое – левое, мужчина – женщина и т.п.) люди

* ПРИМАК Петр Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Севастопольского государственного университета.

E-mail: primakos@yandex.ru

© Примак П.В., 2022

архаических обществ старались упорядочить, понять и описать окружающий мир. Бинарные оппозиции формируют основные понятия культуры. Ученым хорошо известна история появления и эволюции концепции о сущности и структуре бинарных оппозиций, в основе которой лежали теоретические разработки в сфере структурной лингвистики Ф. де Соссюра [31], фонетической дуалистической концепции структуры языка Р. Якобсона [32, с. 36–37; 38]. К. Леви-Строс в рамках структурной антропологии выдвинул и обосновал идею о том, что модели лингвистики аналогичны базовым дискурсам в этнологии, которые коренятся в бессознательном, в мифе, в менталитете.

Большое значение для развития концепции бинарных оппозиций имеют труды В.Г. Богораз [11, с. 196–212; 12; 13; 14; 15, с. 60–80; 29; 41, р. 577–683], А.М. Золотарева [19] о дуализме в мифологии. Мифологическое мышление на основе символов противопоставления помогает человеку не только в постижении мира, но и в упорядочивании своего общества.

Следующий дискуссионный аспект в размышлениях Ф. Десколы связан с его тезисом об изменении взгляда на единство человеческой и звериной природы: «Современный человек смотрит свысока на наивные воззрения древних, считавших, что природу можно судить по ее собственным законам» [18, с. 7]. Однако такой взгляд характерен лишь для индустриального общества. Коренные народы и в настоящее время, то есть в первой четверти XXI в., продолжают сохранять гармонию с природой, считают отдельных представителей животного мира предками людей, культурегерами.

Самый главный методологический посыл Десколы, который он и называет новым взглядом в антропологии и даже открытием, заключается в том, что он призывает пересмотреть соотношение природы и общества, взглянув на мир людей и мир природы как на единое целое. По его мнению, проводимое учеными разделение мира на две группы явлений, на живое и неживое, абсолютно несостоятельно [18, с. 8].

Американский ученый Эдуардо Кон в своей работе «Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека», написанной на основе обобщения собственных полевых материалов, собранных среди племен бассейна Амазонки, сделал попытку доказать, что антропоцентричный подход современных западных социальных и культурных антропологов устарел и его

нужно менять: пора признать нечеловеческие живые существа активными семиотическими агентами [23]. Э. Кон, без ссылок на предшественников, в том числе и российских ученых, в качестве новации выдвигает тезис о том, что нечеловеческие существа не только воздействуют на человека, но и интерпретируют его. В качестве теоретического обооснования своего предположения Кон выбрал концепцию Чарльза Пирса, по которой знаки не просто описывают мир, но являются его важной частью [29, с. 65]. При этом Кон сослался на мнение о взглядах Пирса в варианте Терренса Дикона [26, с. 199]. По мнению Кона, между людьми и природой нет непреодолимой границы, но чтобы не стать для ягуара добычей, нужно быть с ним равным, необходимо показать зверю наличие силы. Открытием для Кона стало то, что зверь может видеть человека в разных ракурсах: как добычу, как равного и как угрозу; ягуар интерпретирует разные образы человека. Человеческое сообщество объединяет с животными, растениями, другими формами живого мира именно наличие представления об окружающем пространстве, которое формирует сущность всех живых существ [23, с. 27–28, 34].

Разрабатывая свою «новую» антропологию, в которой отсутствует радикальное разделение между людьми и другими живыми существами, Кон использует понятие семиозиса как системы создания и интерпретации символов, знаков – системы, не только пронизывающей живой мир, но и объединяющей всех живых существ в сеть сложных отношений [23, с. 38]. В контексте семиозиса происходит процесс означивания, преобразования информации из реального мира в знаковую форму. Семиозис охватывает всю сферу человеческого опыта, он может превратить в знак самого человека, создав при этом нечто совершенно новое [22, с. 26]. По мнению американского философа Чарльза Мориса, одного из основателей семиотики, семиозис – это знаковый процесс или знаковое поведение [27, с. 119]. Семиозис также определяется как процесс порождения и функционирования абстрактных знаков и материальных объектов, используемых для обозначения данных знаков. В качестве знаков могут выступать абстракции и реальные предметы, явления, свойства, отношения, действия. Знаки создаются и используются в процессе приобретения, хранения, переработки и передачи информации. Однако знак может стать таковым

только в особом процессе или знаковой ситуации – семиозисе. Другими словами, семиозис – это процесс, в котором нечто функционирует в качестве знака. Американский философ Чарлз Сандерс Пирс, рассматривая знак как объект, репрезентирующий или замещающий нечто другое в человеческой деятельности, разработал схему «объект – знак – интерпретанта». Интерпретанта, по Пирсу, означает способ употребления знака человеком или действие, которое знак оказывает на человека. Кроме этой триады необходим интерпретатор, человек или субъект, который производит и интерпретирует знаки в сообществе интерпретаторов по определенным правилам. При этом специфика деятельности сообщества состоит в непрерывно продолжающемся семиозисе, процессе передачи знаков от одного интерпретатора к другому. Объект или окружающая сообщество реальность всегда наполнены совокупностью знаковых опосредований. Несмотря на умозрительность и философичность концепции Пирса, в ней хорошо показано, что нечто определенно будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия восприятия, а символ сможет оказать влияние не только на мысль, но и на поведение человека и сообщества как интерпретаторов этого символа [29, с. 152–154; 37, с. 116]. Пространственные объекты, любые обозримые явления природы, вовлекаемые в человеческую деятельность, обязательно наделяются культурными смыслами и значениями. Составляющие их хронологические отношения могут служить не только символами отвлеченных идей, знаками сакральных объектов, но и индексами событий, сигналами к действиям, моделями других пространственных кодов и преобразований [33, с. 140]. В контексте семиозиса можно привести в пример воссоздание традиционных знаковых форм, выполняющих охранительную, защитную, маркирующую функции в отношении хозяйственной территории современных нивхов как своего единого мира [9, с. 231]. Отдельные промысловые участки считаются нивхами священной землей предков, которые не только жили здесь в прежнее время, создавали семьи и растили детей, учили их традиционным промыслам, но и сегодня контролируют эту территорию своими могилами. Помогают им в этом охранители стойбищ, изготовленные в виде деревянной антропоморфной культовой скульптуры и установленные на границах сакральной территории. Общий ментальный настрой спла-

чивает родовые общины, помогает им следить за порядком, экологией, не позволяет нарушать разрешенные объемы добычи биологических ресурсов.

Бразильский антрополог Эдуарду Вивейруш де Кастру на Западе считается не просто пионером в сфере постструктуралистской методологии, а настоящим отцом эпистемиологической революции не только в антропологии, но и во всех социальных науках [28, с. 278–282]. Книга Де Кастру «Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии», написанная на основе осмысления культуры индейцев Южной Америки и других этносов, произвела настоящий фурор в западном научном мире [21]. Кастру предлагает антропологический синтез взглядов западных ученых и туземцев, подчеркивая отсутствие четкой границы между ними. В качестве инструментария он использует принцип множественности переплетающихся точек зрения. Однако под нагромождением красивых фраз (перспективизм, мультинатурализм, эквивокация) читатель быстро усматривает знакомую концепцию эмного и этного подходов, введенную в исследовательское поле антропологии еще в середине XX в. Кеннетом Пайком. На основе исследования смысловых различительных звуков в языке *phonemic* и *phonetic* Пайк пришел к поразительному выводу, что эта логическая структура вполне применима и к культуре *emic* и *etic* [42]. Внешний наблюдатель на основе этного подхода описывает факты культуры с помощью научных классификаций. Носитель же конкретной культуры ощущает ее сущность и функции интуитивно (эмный подход). Пайк признавал правомерность обоих подходов, которые могут быть вполне совместимы [4, с. 8]. Кастру же использует эти два принципа на примере анализа ритуального каннибализма, что в западной науке стало новым эпистемологическим и онтологическим топом социальных наук [30, с. 172–180].

Для корректировки представления о научных приоритетах Десколы, Кона, де Кастру в изучении вышеназванных сфер духовной культуры архаических обществ нужно обратиться к работам выдающихся российских исследователей, этнографов и фольклористов, специалистов по культуре коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – В.Г. Богораза, Л.Я. Штернберга, В.К. Арсеньева.

Отечественный исследователь материальной и духовной культуры коренных народов Север-

ной Азии В.Г. Богораз провел несколько лет в местах их проживания сначала как ссыльный народоволец, впоследствии как участник научных экспедиций, этнограф, лингвист, историк религии, писатель и публицист, общественный деятель. С 1918 г. он был сотрудником МАЭ, с 1921 г. – профессором этнографии Ленинградского института истории, философии и лингвистики. Богораз по праву считается одним из основателей советской этнографической школы, Института народов Севера в 1929 г., основателем и первым директором в 1932–1936 гг. Музея истории религии АН СССР в Ленинграде. Собранный и осмысленный им этнографический материал лег в основу ряда его фундаментальных трудов [11, с. 196–212; 12; 14, с. 269–318; 15, с. 60–80; 16, с. 263–270; 17; 20; 39; 40, р. 277–536]. Именно Богораз создал концепцию эволюционного развития первоначальных форм мировоззрения человека, взглядов на окружающий реальный и сверхъестественный мир, на влияние этих миров на жизнь человека и человеческого общества [11, с. 197; 15, с. 61–66; 17, с. 1–8 и др.]. Архаические верования, по мнению Богораза, проходят пять стадий развития мировоззрения, которые выглядят следующим образом. Первая стадия включает в себя наделение окружающих человека предметов и объектов природы живой субстанцией. Камни, деревья, горы и все остальные объекты, независимо от их размера и формы, – живые. Признаками жизни являются движение и издаваемые звуки (скрип веток, шелест листвы и т.п.). На второй стадии человек сравнивает объекты природы и предметы с самим собой, со своим телом или его частями. Третья стадия подразумевает, что предметы могут превращаться в человека, люди – в зверей и наоборот. Для четвертой стадии уже характерно появление сверхъестественных понятий – о душах, находящихся в предметах и объектах, могущих покидать их по своему желанию, и о человеческой душе. Пятая стадия содержит представления о многочисленных духах, живущих в своих пространствах, о загробном мире, о превращении души человека в духа, о культе предков.

Л.Я. Штернберг, как и В.Г. Богораз, был народовольцем, почти десять лет провел в ссылке на Сахалине, где и стал этнографом, изучал историю и культуру нивхов, айнов, тунгусо-маньчжурских народов. Впоследствии он на основе собственных материалов написал ряд великолепных этнографических, лингви-

стических трудов и энциклопедических статей. Работал в МАЭ, читал курсы лекций по этнографии в ЛГУ, был одним из основателей географического факультета ЛГУ, Ленинградского рабочего факультета северных народов, ныне Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена; с 1920 г. – председателем Сибирского отдела Комиссии по изучению племенного состава населения СССР. Вместе с Богоразом стоял у истоков советской школы этнографии, воспитал плеяду знаменитых российских этнографов, внес значительный вклад в исследование различных аспектов архаических верований. Л.Я. Штернберг не только разработал собственную концепцию развития архаического мировоззрения, эволюции и соотношения первоначальных форм верований, культов и ритуалов, но и противопоставил ее знаменитой анимистической концепции Э.Б. Тайлора, выдвинув на первое место представления не о душе, а о духах природы. По мнению Штернберга, последовательность развития архаических верований следующая: аниматизм (оживотворение) и антропоморфизм (очеловечение), затем одухотворение и, наконец, анимизм или открытие души [35, с. XII]. Человек архаического общества открыл для себя духов природы совершенно независимо от идеи души, которая требовала гораздо более глубокого умственного анализа.

Еще в конце XIX в. Штернберг на основе кропотливого изучения традиционного мировоззрения тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов осветил этнокультурные особенности менталитета, мировоззрения, космогонии, анимизма, тотемизма, шаманства коренных народов Амура и Сахалина. За несколько десятилетий до Десколы и Кона Штернберг показал, что для аборигенов «не существует мертвой, неразумной природы; напротив, вся природа одарена жизнью и разумом». Весь окружающим мир разумен и подобен человеку, а все видимое – не более чем форма, содержанием которой являются люди и духи [34, с. 49]. Промысловые звери не только интерпретируют поведение человека, но даже смеются над охотником и его попытками завлечь зверей в ловушки и силки [35, с. 4].

В.К. Арсеньев, знаменитый отечественный этнограф, путешественник, писатель, приехал на Дальний Восток в 1900 г. и в течение тридцати лет руководил экспедициями по изучению территории российского Дальнего Востока, проводил археологические, этнографические, естественнонаучные исследования. В своих

трудах «Дерсу Узала» (1923), «В дебрях Уссурийского края» (1926), «Сквозь тайгу» (1949), в многочисленных научных статьях и очерках он осветил многие стороны архаического мировоззрения коренных народов региона, в том числе и «открытия», которые позже озвучили Кон и Дескола. В частности, Арсеньев еще в начале XX в. зафиксировал аниматические и антропоморфные верования удэгейцев, орочей, нанайцев и других аборигенов, согласно которым весь окружающий человека мир представлялся живым или подобным человеку [2, с. 217; 3, с. 159–160 и др.; 5, с. 129–157; 7, с. 23–31; 8, с. 30–42;]. В мировоззрении этих народов не было понятий о сверхъестественных существах: все объекты природы были живыми, понятными в своих функциях, следящими за порядком в космосе и на земле [1, с. 210–211].

Упомянутые выше теоретические разработки американских и французских ученых о способности растительного и животного мира мыслить, интерпретировать поведение человека, хорошо иллюстрируются конкретными примерами из современной жизни коренных народов Нижнего Амура и Сахалина [10, с. 104–114]. Анализ морского зверобойного промысла сахалинских нивхов, в частности – добычи нерпы, показывает, что образ этого животного многолик: нерпа помогает рыбакам ловить рыбу, загоняя ее в сети и невода, но она же и ворует потом эту рыбу из ловушек, нередко повреждая их. Нерпа постоянно следит за человеком, за его промысловой деятельностью, но непременно старается получить для себя выгоду и тратить как можно меньше энергии на собственный промысел рыбы. Некоторые информанты считают, что нерпа очень умный зверь, который использует людей, их оборудование (лодки, ловушки, сети, неводы) и технологии для ловли рыбы для себя. Другими словами, с точки зрения нерп, они не воруют рыбу у человека, а забирают свою долю, честно заработанную в процессе совместного с человеком промысла [9, с. 231].

Таким образом, новации антропологического метода Филиппа Десколы, Эдуардо Кона, Эдуарду Вивейруша де Кастру в области решения проблемы адаптации разнообразных живых существ, которые не только приспосабливаются к жизни в мире, но и меняют его, создавая связи между собой и окружающей средой, их гипотезы о мыслящей природе и попытки заменить антропологию культуры на антропологию природы давно известны отечественным ученым

XX в. [9, с. 222–223; 18, с. 9, 12]. Отдельного рассмотрения требуют причины такого отношения европейских ученых к предшественникам, пусть и из другой страны, принадлежащим к другим научным направлениям и идеологическим течениям, но решавшим аналогичные проблемы на десятилетия раньше [6, с. 5]. Приходится с сожалением констатировать, что современные российские ученые по-прежнему находятся в фарватере концепций западных ученых. Причин тому много: это и историческое отставание в организации высших учебных заведений, и пренебрежение к теоретическим построениям российских исследователей, сохраняющееся еще со времен М.В. Ломоносова, и русофобия. С другой стороны, хоть и не сразу, а через несколько лет, но труды западных ученых переводятся на русский язык, запад же наших трудов не знает и не читает. Для разработки выбранных тем западные исследователи культуры Амазонии активно использовали тезисы французского философа Бруно Латура о том, что акторно-сетевая теория (АСТ) может служить в качестве метода развертывания деятельности актора по выстраиванию своего социального мира. По мнению Латура, главным вкладом этой теории в социальную науку стала возможность постепенного продвижения АСТ к сравнительной антропологии, возможность трансформации социальных проблем, территории, региона, реальности в ситуативную циркуляцию, в которую органически входят природа и пространство [24, с. 201–206, 208–209, 210, 211]. Известно, что акторно-сетевая теория задумывалась как механизм устранения антропоцентричной теории социального конструктивизма. Сети включают в себя «не только людей, но и материальные объекты и нечеловеческие живые существа» [36, с. 8]. Однако эти концепции не работают на этнографическом материале коренных народов Сибири, Севера, Дальнего Востока России. В сознании коренных народов северных регионов, в отличие от сознания европейских авторов, никогда не существовало непреодолимых границ между людьми и животными, реальными и мифическими, существовал механизм превращения людей в животных и обратно [9, с. 222–223]. Культ животных необходим обществу коренных народов для сохранения традиций, для освящения хозяйственной деятельности, важного соотношения сакральных компонентов в жизнеобеспечивающих технологиях [7, с. 23–31].

Приведенный выше краткий обзор теоретических взглядов отечественных этнографов XX в. показывает, что многие эпистемологические вопросы в рамках антропологии были ими не только поставлены, но и решены. Собранные современными отечественными этнографами материалы об особенностях культуры коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока показывают, что многие аспекты архаических верований не только сохраняются в головах людей, но и служат для укрепления социальных связей в системе трансмиссии культурных ценностей новым поколениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньев В.К. Сквозь тайгу. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949.
2. Арсеньев В.К. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Владивосток: Примиздат. 1947.
3. Арсеньев В.К. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 2. Владивосток: Примиздат. 1947.
4. Березкин Ю.Е. Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2017.
5. Березницкий С.В. Верования и обряды ульта (по материалам международной этнолингвистической экспедиции на о. Сахалин в июле-августе 1990 г.) // *Ethnic Minorities in Sakhalin*. Yokohama: Yokohama National University, 1993. С. 129–157.
6. Березницкий С.В. До Клакхона – междисциплинарный принцип работы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 473. С. 5–11.
7. Березницкий С.В. Путем взаимовлияния. Промысловые культы амурских народов и их этнокультурные контакты // *Россия и АТР*. 1998. № 4. С. 23–31.
8. Березницкий С.В. Система верований, обрядов и культов негидальцев // *Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока: сборник статей научной конференции «Дальневосточная историческая наука на пороге XXI века: новые имена»* (Владивосток, 25–27 марта 1997 г.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1997. С. 30–42.
9. Березницкий С.В. Тонкая настройка своего мира // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 2. С. 220–233.
10. Березницкий С.В. Традиция сыроядения в культуре питания коренных народов Амуро-Сахалинского региона // *Кунсткамера*. 2021. № 3. С. 104–114.
11. Богораз В.Г. Дуалистические мифы / Предисловие М. Шахнович // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. № 1. С. 196–212.
12. Богораз В.Г. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // *Этнографическое обозрение*. 1910. Кн. 84–85. № 1–2. С. 1–36.
13. Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. СПб.: Императорская Академия Наук, 1900.
14. Богораз В.Г. Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранных в Колымском округе В.Г. Богоразом // *Известия Императорской Российской Академии Наук*. 1899. Т. 10. № 3. С. 269–318.
15. Богораз В.Г. Религиозные идеи первобытного человека (По материалам, собранным среди племен северо-восточной Азии, главным образом среди чукоч) // *Землеведение*. 1908. Т. 15. Кн. 1. С. 60–80.
16. Богораз В.Г. Сказка о Чесоточном шамане // *Живая старина*. 1899. Вып. 2. С. 263–270.
17. Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 2. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.
18. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
19. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
20. Из Архива. Избранные труды В.Г. Богораз по шаманству 1934–1936 гг. СПб.: СПбГУ, 2019.
21. Кастру Э.В. Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
22. Кирющенко В.В. Знак и символ // *Пирс Ч.С. Принципы философии: в 2-х т. Т. 1*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 5–26.
23. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
24. Латур Б. АСТ: вопрос об отзыве // *Логос*. 2017. № 1. С. 201–216.
25. Леви-Строс К. Мифологии: в 4-х т. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999.

26. Логинов Е.В. Действительно ли леса мыслят? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 198–202.

27. Морис Ч.У. Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика: антология. М.: Радуга, 1983. С. 118–132.

28. Наумов Н.Г. Философские основания антропологической концепции Эдуарду Вивейруша де Кастру // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 278–282.

29. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.

30. Руденко Н. Рец. на кн.: Эдуарду Вивейруш де Кастру. Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 199 с. // Антропологический форум. 2019. № 41. С. 172–180.

31. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

32. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект-Пресс, 2000.

33. Чертов Л.Ф. Особенности пространственного семиозиса // Метафизические исследования. Вып. 11. Язык. СПб.: Алетейя, 1999. С. 140–155.

34. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933.

35. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л.: Институт народов Севера, 1936.

36. Юрчак А. Предисловие // Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 6–16.

37. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика: антология. М.: Радуга, 1983. С. 102–117.

38. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1965.

39. Bogoras, W., 1910. Chukchee mythology. Leiden; New York: Brill; Stechert & Co.

40. Bogoras, W., 1907. The Chukchee religion. In: The Jessup North Pacific Expedition: Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. 11. Leiden; New York: Brill; Stechert & Co, pp. 277–536.

41. Bogoras, W., 1902. The folklore of Northeastern Asia, as compared with that of Northwestern America. American Anthropologist, Vol. 4, no. 4, pp. 577–683.

42. Pike, K., 1967. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. The Hague: Mouton.

REFERENCES

1. Arsenyev, V.K., 1949. Skvoz' taigu [Through the taiga]. Moskva: Gos. izd-vo geogr. lit. (in Russ.)

2. Arseniev, V.K., 1947. Sobranie sochinenii: v 6-ti t. T. 1 [Collected works: in 6 vols. Vol. 1]. Vladivostok: Primizdat. (in Russ.)

3. Arseniev, V.K., 1947. Sobranie sochinenii: v 6-ti t. T. 2 [Collected works: in 6 vols. Vol. 2]. Vladivostok: Primizdat. (in Russ.)

4. Berezkin, Yu.E., 2017. Rozhdenie zvezdnogo neba: predstavleniya o nochnykh svetilakh v istoricheskoi dinamike [The birth of the starry sky. Ideas about the night luminaries in historical dynamics]. Sankt-Peterburg: MAE RAN. (in Russ.)

5. Bereznietskii, S.V., 1993. Verovaniya i obryady ul'ta (po materialam mezhdunarodnoi etnolingvisticheskoi ekspeditsii na o. Sakhalin v iyule-avguste 1990 g.) [Beliefs and rituals of Ulta (based on the materials of the international ethnolinguistic expedition to Sakhalin Island in July-August 1990)]. In: Ethnic Minorities in Sakhalin. Yokohama: Yokohama National University, 1993, pp. 129–157. (in Russ.)

6. Bereznietskii, S.V., 2021. Do Klakkhona – mezhdistsiplinarnyi printsyp raboty Tungusskoi ekspeditsii 1927–1928 gg. [Before Kluckhohn: the interdisciplinary principle of the functioning of the Tungusic Expedition of 1927–1928], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 473, pp. 5–11. (in Russ.)

7. Bereznietskii, S.V., 1998. Putem vzaimovliyaniya. Promyslovye kul'ty amurskikh narodov i ikh etnokul'turnye kontakty [Through mutual influence: fishing and hunting cults of the Amur peoples and their ethno-cultural contacts], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 23–31. (in Russ.)

8. Bereznietskii, S.V., 1997. Sistema verovaniy, obryadov i kul'tov negidal'tsev [The system of beliefs, rites and cults of the Negidals]. In: Voprosy arkheologii, istorii i etnologii Dal'nego Vostoka: sbornik statei nauchnoi konferentsii «Dal'nevostochnaya istoricheskaya nauka na poroge XXI veka: novye imena» (Vladivostok, 25–27 marta 1997 g.). Vladivostok: IIAE DVO RAN, 1997, pp. 30–42. (in Russ.)

9. Bereznietskii, S.V., 2022. Tonkaya nastroyka svoego mira [Fine-tuning own world], Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki, Vol. 15, no. 2, pp. 220–233. (in Russ.)

10. Bereznietskii, S.V., 2021. Traditsiya syroyadeniya v kul'ture pitaniya korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona [The

tradition of raw foodism in the food culture of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region], *Kunstkamera*, no. 3, pp. 104–114. (in Russ.)

11. Bogoraz, V.G., 2018. Dualisticheskie mify [Dualistic myths], *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 196–212. (in Russ.)

12. Bogoraz, V.G., 1910. K psikhologii shamanstva u narodov severo-vostochnoi Azii [On the psychology of shamanism among the peoples of Northeast Asia], *Etnograficheskoe obozrenie*, book 84–85, no. 1–2, pp. 1–36. (in Russ.)

13. Bogoraz, V.G., 1900. Materialy po izucheniyu chukotskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge. Ch. 1. Obraztsy narodnoi slovesnosti chukoch [Materials for the study of the Chukchi language and folklore in the Kolyma Region. Part 1. Examples of Chukchi folk literature]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (in Russ.)

14. Bogoraz, V.G., 1899. Obraztsy materialov po izucheniyu chukotskogo yazyka i fol'klora, sobrannykh v Kolymskom okruge V.G. Bogorazom [Samples of materials for the study of the Chukchi language and folklore collected in the Kolyma Region by V.G. Bogoraz], *Izvestiya Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii Nauk*, Vol. 10, no. 3, pp. 269–318. (in Russ.)

15. Bogoraz, V.G., 1908. Religioznye idei pervobytnogo cheloveka (Po materialam, sobrannym sredi plemen severo-vostochnoi Azii, glavnym obrazom sredi chukoch) [Religious ideas of primitive man (Based on the materials collected among the tribes of North-East Asia, mainly among the Chukchi)], *Zemlevedenie*, Vol. 15, no. 1, pp. 60–80. (in Russ.)

16. Bogoraz, V.G., 1899. Skazka o Chesotochnom shaman [Tale of the Scabby Shaman], *Zhivaya starina*, no. 2, pp. 263–270. (in Russ.)

17. Bogoraz, V.G., 1939. Chukchi. Ch. 2. Religiya [Chukchi. Part 2. Religion]. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi. (in Russ.)

18. Descola, Ph., 2012. Po tu storonu prirody i kul'tury [Across the nature and culture]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

19. Zolotarev, A.M., 1964. Rodovoi stroi i pervobytnaya mifologiya [Clan system and primitive mythology]. Moskva. (in Russ.)

20. Iz Arkhiva. Izbrannye trudy V.G. Bogoraza po shamanstvu 1934–1936 gg. [From the Archives. Selected works of V.G. Bogoraz on shamanism, 1934–1936]. Sankt-Peterburg: SPbGU, 2019. (in Russ.)

21. Castro, E.V., 2017. Kannibal'skie metafiziki: rubezhi poststrukturnoi antropologii [Cannibal metaphysics. For a poststructural anthropology]. Moskva: Ad Marginem Press. (in Russ.)

22. Kiryushchenko, V.V., 2001. Znak i simvol [Sign and symbol]. In: Peirce, Ch.S., 2001. *Printsipy filosofii*. T. I. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 5–26. (in Russ.)

23. Kohn, E., 2018. Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka [How forests think: toward an anthropology beyond the human]. Moskva: Ad Marginem Press. (in Russ.)

24. Latour, B., 2017. AST: vopros ob otzyve [On recalling actor network theory], *Logos*, no. 1, pp. 201–216. (in Russ.)

25. Levi-Strauss, C., 1999. Mifologiki: v 4-kh t. T. 1. Syroe i prigotovlennoe [Mythologies: in 4 vols. Vol. 1. The raw and the cooked]. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)

26. Loginov, E.V., 2019. Deistvitel'no li lesa myslyat? [Do the forests really think?], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 198–202. (in Russ.)

27. Morris, Ch.W., 1983. Iz knigi «Znachenie i oznachivanie». Znaki i deistviya [From the book «Signification and significance». Signs and actions]. In: *Semiotika: antologiya*. Moskva: Raduga, 1983, pp. 118–132. (in Russ.)

28. Naumov, N.G., 2021. Filosofskie osnovaniya antropologicheskoi kontseptsii Eduardu Viveirusha de Kastru [The philosophical foundations of anthropological concept of Eduardo Viveiros de Castro], *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika, Vol. 21, no. 3, pp. 278–282. (in Russ.)

29. Peirce, Ch.S., 2000. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]. Moskva: Logos. (in Russ.)

30. Rudenko, N., 2019. Rets. na kn.: Eduardu Viveirush de Kastru. Kannibal'skie metafiziki: rubezhi poststrukturnoi antropologii. Moskva: Ad Marginem Press, 2017. 199 s. [Review of Eduardo Viveiros de Castro's «Cannibal metaphysics. For a poststructural anthropology»], *Antropologicheskii forum*, no. 41, pp. 172–180. (in Russ.)

31. Saussure, F., 1977. Trudy po yazykoznaniyu [Works in linguistics]. Moskva: Progress. (in Russ.)

32. Trubetzkoy, N.S., 2000. Osnovy fonologii [Principles of phonology]. Moskva: Aspekt-Press. (in Russ.)

33. Chertov, L.F., 1999. Osobennosti prostranstvennogo semiozisa [Features of spatial semiosis]. In: *Metafizicheskie issledovaniya*. Vyp. 11. Yazyk. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 1999, pp. 140–155. (in Russ.)
34. Shternberg, L.Ya., 1933. Gilyaki, orochoi, gol'dy, negidal'tsy, ainu [The Gilyak, Orochi, Goldi, Negidal, Ainu: articles and materials]. Khabarovsk: Dal'giz. (in Russ.)
35. Shternberg, L.Ya., 1936. Pervobytnaya religiya v svete etnografii. Issledovaniya, stat'i, lektsii [Primitive religion in the light of ethnography]. Leningrad: Institut narodov Severa. (in Russ.)
36. Yurchak, A., 2018. Predislovie [Foreword]. In: Kohn, E., 2018. *Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka*. Moskva: Ad Marginem Press, pp. 6–16. (in Russ.)
37. Jakobson, R., 1983. V poiskakh sushchnosti yazyka [Quest for the essence of language]. In: *Semiotika: antologiya*. Moskva: Raduga, 1983, pp. 102–117. (in Russ.)
38. Jakobson, R.O., 1965. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moskva: Progress. (in Russ.)
39. Bogoras, W., 1910. *Chukchee mythology*. Leiden; New York: Brill; Stechert & Co.
40. Bogoras, W., 1907. The Chukchee religion. In: *The Jessup North Pacific Expedition: Memoir of the American Museum of Natural History*. Vol. 11. Leiden; New York: Brill; Stechert & Co, pp. 277–536.
41. Bogoras, W., 1902. The folklore of Northeastern Asia, as compared with that of Northwestern America. *American Anthropologist*, Vol. 4, no. 4, pp. 577–683.
42. Pike, K., 1967. *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*. The Hague: Mouton.

